

18. Грановский Т. Н. Лекции 1849/50 г. С. 54.
19. Там же. С. 54.
20. Кудрявцев П. Н. Вступительная лекция в новую историю. Лекции 1848/49 гг. // Лекции. Соч. Избр. М., 1991. С. 7.
21. Там же. С. 11.
22. Там же. С. 8.
23. См.: Петров М. Т. Итальянский полицентризм и культура XIII-XVI вв. // Городская культура Средневековья и начало Нового Времени. Л., 1986. С. 43-51.
24. Кудрявцев П. Н. Лекции 1848/49 гг. С. 16.
25. Кудрявцев П. Н. Дант, его век и жизнь // Соч. в 3 т. М., 1887. Т. 1. С. 413-544; Его же. Юность Екатерины Медичи // Там же. Т. 2. С. 452-539. (Впервые статьи были опубликованы в 1855-1856 гг.).
26. Бузескул В. П. Всеобщая история и ее представители в России в XIX и в начале XX века. Л., 1929. С. 71.
27. Рутенбург В. И. История средневековой Италии в трудах русских ученых XIX – нач. XX в. С. 265.
28. Кудрявцев П. Н. Дант... С. 504.
29. Там же. С. 504.
30. Там же. С. 470.
31. Там же. С. 470-471.
32. Там же. С. 505.
33. Андреев М. Л. Культура Возрождения // История мировой культуры. Наследие запада: Античность. Средние века. Возрождение. М., 1998. С. 319-411.

Валерий Михайлович КРУЖИНОВ —
доцент кафедры отечественной истории
факультета истории
и политических наук,
доктор исторических наук

УДК 947.084(021)

**В ПРЕДДВЕРИИ
 «КОММУНИСТИЧЕСКОГО ЗВЕЗДОПАДА»:
 РЕПРЕССИИ ПРОТИВ УЧАСТНИКОВ
 ВНУТРИПАРТИЙНЫХ ГРУППИРОВОК НА УРАЛЕ
 В НАЧАЛЕ 1920-Х ГОДОВ**

АННОТАЦИЯ. Первые репрессии против «старой большевистской гвардии» начинаются при жизни В. И. Ленина.

The first wave of repressions against «old bolshevik army» started at the time V. I. Lenin.

«Ошеломляющим звездопадом на коммунистическом небосводе» [1], назвал видный меньшевик-эмигрант Ст. Иванович массовые перетасовки большевистских кадров, сопровождавшие каждую вспышку внутрипартийных конфликтов в 1920-е гг. Хотя сегодня справедливость этих слов не вызывает сомнений, они в большей мере ассоциируются с эпохой И. В. Сталина и трагическим судьбами поверженных им других большевистских вождей – Л. Д. Троцкого, Г. Е. Зиновьева или Н. И. Бухарина. Между тем преследования и репрессии за инакомыслие в партии, в

том числе на ее средних и нижних этажах, начинаются еще при жизни В.И. Ленина, сыграв немаловажную роль в изоляции будущих соперников генсека и облегчив ему путь к единоличной диктатуре.

Переломным в этом отношении стал X съезд РКП(б), на котором по настоянию В. И. Ленина были смещены со своих постов секретари ЦК Н. Н. Крестинский, Е. А. Преображенский и Л. П. Серебряков, поддержавшие во время предсъездовской дискуссии платформу Л. Д. Троцкого. Кроме того, из ЦК были выведены «троцкисты» А. А. Андреев и И. Н. Смирнов, зато в него впервые вошли «ленинцы» К. Е. Ворошилов, В. М. Михайлов, В. М. Молотов, Г. К. Орджоникидзе, И. Я. Тунтул, М. В. Фрунзе и Е. М. Ярославский. Изменился и состав Политбюро, членом которого стал Г. Е. Зиновьев, один из наиболее яростных оппонентов Л. Д. Троцкого накануне съезда.

Новая властная конфигурация, выстроенная на основе групповых интересов и направленная против других претендентов на политическое лидерство, опиралась на резолюцию «О единстве партии» и объективно вела к установлению в РКП(б) режима фракционной диктатуры, окончательное утверждение которого сопровождалось многочисленными перемещениями в руководящих партийных органах на местах.

На Урале первая волна кадровых перемен прокатилась еще накануне X съезда и была инициирована Г. Е. Зиновьевым. По его указанию в конце января 1921 г. в Екатеринбург прибыла группа «агитаторов» во главе с поэтом Д. Бедным, которая организовала пропагандистскую кампанию против выступавших на стороне Л.Д. Троцкого Уральского бюро ЦК и Екатеринбургского губкома РКП(б). Расколов городскую партийную организацию на «ленинцев» и «троцкистов», зиновьевцы подготовили почву для приезда в Екатеринбург Г. Е. Зиновьева, добившегося отстранения от работы в губкоме его секретаря Н. И. Уфимцева и других «троцкистов».

В течение 1921 г. аналогичные изменения были проведены и в Уралбюро ЦК РКП(б), из состава которого были выведены все лица, выступавшие накануне X съезда против ленинской платформы. Каждый раз такие перестановки приводили к конфликтам между Секретариатом ЦК, ведавшим расстановкой партийных кадров, и той частью Уралбюро, сторонники которой отстранялись от работы на Урале. Так, летом 1921 г. возникло «дело» секретаря Уралбюро В. А. Воробьева, затем «дело» члена Уралбюро, командующего УрВО С. В. Мрачковского. Механизм создания подобных «дел» обычно выглядел следующим образом. Неудобный работник без каких-либо объяснений отзывался в распоряжение ЦК. Если со стороны Уралбюро следовал протест, он расценивался как нарушение партийной дисциплины и ведение групповой борьбы. После этого ЦК организовывал специальную комиссию из представителей ЦКК, которая «изучала» вопрос и, придав ему соответствующее обоснование, подтверждала принятое ранее решение ЦК. Вслед за этим предпринимались дополнительные «организационные» меры, направленные уже против тех, кто поддерживал опального члена бюро, возникали новые «дела», следовали новые перемещения.

В начале 1922 г. с поста секретаря Уралбюро ЦК РКП(б) был смещен один из руководителей группы демократического централизма Т.В. Сапронов, лишь за несколько месяцев до этого отстраненный от работы в Москве и направленный для «исправления» в Екатеринбург. Новым секретарем Уралбюро стал Ф. И. Голощекин.

Одновременно изменяются назначение и функции Уралбюро. Из органа, координирующего работу губернских парторганизаций края и почти не вмешивающегося в их повседневную деятельность, оно превращается в контролирующую инстанцию, назначаемую ЦК РКП(б) и неподотчетную местам. Важнейшей прерогативой Уралбюро становится назначение и отзыв ответственных партийных и советских работников, а также утверждение планов работы губернских комитетов партии. Вскоре в его

структуре создается ряд отделов. Главными из них являлись организационно-инструкторский, ведавший разработкой и внедрением организационных форм партийного аппарата, контролем над его деятельностью, и учетно-распределительный, занимавшийся сбором статистических и персональных данных о членах партии. Секретарям губкомов вменялось в обязанность ежемесячно отчитываться перед секретарем Уралбюро, власть которого становится настолько значительной, что ее сравнивали с генерал-губернаторской [2].

После X съезда практика назначенчества ответственных работников распространяется на губернские и уездные комитеты РКП(б). Так, в 1921 г. Уралбюро произвело изменения в составе Пермского и Тюменского губкомов, первый из которых не сумел вовремя парализовать оппозиционную деятельность Г. И. Мясникова, а второй не проявил достаточной решительности в отношении группы уездных работников, выступивших на губернском съезде Советов против «рекомендованного» списка нового состава губисполкома. Секретарем Пермского губкома стал М. М. Харитонов, ранее работавший под руководством Г. Е. Зиновьева в Петрограде, а Тюменскую губернскую организацию возглавил А. И. Зыков, один из немногих членов Екатеринбургского губкома, поддержавший накануне X съезда ленинскую платформу.

С ужесточением партийного режима была связана чистка партии, которая началась на Урале в конце лета и завершилась поздней осенью 1921 г. В ходе ее было исключено, вышло добровольно и переведено в кандидаты 22,6% состава партийных организаций [3]. Хотя накануне чистки не раз заявлялось, что она не будет использоваться для репрессий против инакомыслящих, в полной мере это обещание соблюдено не было. Так, в Троицкой уездной парторганизации (Челябинская губерния) из партии были исключены 55 коммунистов, выступавших против назначенного губкомом уездного комитета РКП(б) [4].

К концу 1921 г. относятся первые, правда, пока единичные факты организации слежки за оппозиционно настроенными коммунистами со стороны ОГПУ. Собранные при этом сведения обобщались, а затем направлялись в партийные органы для принятия соответствующих мер. На их основании был, например, исключен из РКП(б), затем и арестован активный участник «рабочей оппозиции» на Урале Г. И. Мясников [5]. Та же участь постигла и семерых его наиболее активных сторонников (М. П. Копысов, В. М. Сивилев, П. Ф. Сорвин, И. Н. Странев и др.) [6].

Репрессии против членов партии по политическим мотивам практиковались и во внепартийных организациях. Показательно в этом отношении «дело» секретаря Уралбюро ВЦСПС В. В. Косиора, поддержавшего на III Уральской областной конференции Всероссийского союза рабочих-металлистов (декабрь 1921 г.) резолюцию, осуждавшую вмешательство партийных органов в работу профсоюзов [7]. Этот инцидент стал предметом специального разбирательства в ЦК РКП(б), который вывел В. В. Косиора из Уралбюро ВЦСПС как не оправдавшего «ожиданий, поручений и заданий, которые он должен был выполнить» [8].

Отстранение В. В. Косиора было лишь одним из многих перемещений среди руководителей профессионального движения на местах, проведенных ЦК РКП(б) после X съезда партии. Кроме него, под тем или иным предлогом от занимаемых должностей были освобождены А. З. Гольцман (председатель Профбюро Украины), Ю. П. Фигатнер (председатель Кавбюро ВЦСПС), Я. К. Яглом (председатель Сиббюро ВЦСПС) и ряд других профсоюзных руководителей, выступавших в начале 1921 г. в поддержку Л. Д. Троцкого.

Что стояло за всеми этими перебросками: случайное совпадение или определенная линия? Этот вопрос впервые был поставлен на XI съезде РКП(б) весной 1922 г., когда В. В. Косиор обвинил ЦК партии в преследовании своих вчерашних оппонентов из «группировки, возглавлявшейся тогда (т. е. накануне X съезда, — В. К.) т. Троц-

ким» [9]. Причем это мнение разделяли и другие делегаты. Так, когда В. М. Молотов, отвечая В. В. Косиору, попытался объяснить проведенные ЦК перемещения исключительно деловыми соображениями, из зала заседания раздались протестующие голоса: «Неправда» [10]. Не был столь категоричен в поддержке заявления В. М. Молотова и В. И. Ленин. Не отрицая право ЦК РКП(б) «распоряжаться распределением людей», чтобы «направлять политику», он в то же время соглашался «выбрать комиссию по каждому имени и учинить Косиору и соответствующим лицам допрос с пристрастием» [11]. Примечательно, что, касаясь мотивов отзыва В. В. Косиора, как и других перемещений на Урале, осуществленных ЦК РКП(б) после X съезда, В. И. Ленин признался: «Я лично не знаю и ответить не могу» [12], по существу, подтвердив, что уже тогда формирование руководящих органов на местах, по крайней мере в целом ряде случаев, происходит без его участия и сосредотачивается в Секретариате ЦК.

По свидетельству А. И. Микояна, многие из таких вопросов В. И. Ленин перепоручал И. В. Сталину, считавшему, что «главная опасность может идти от Троцкого и его сторонников» [13]. Неудивительно, что с введением должности генерального секретаря именно он будет назначен на этот пост, получив вместе с ним настолько необъятную и сориентированную на борьбу с «фракционерами» власть, что менее чем через год ужаснет даже своего недавнего покровителя. Однако подметив нелояльность генсека, В. И. Ленин так и не осознал совпадение индивидуальных качеств И. В. Сталина с сутью созданной им же самим фракционной диктатуры, возводившей нетерпимость к инакомыслию в партии в незыблемый закон ее внутренней жизни.

Направление эволюции внутрипартийного режима особенно отчетливо проявилось в период болезни В. И. Ленина, когда сталинский Секретариат произвел ряд новых перемещений на местах, в том числе на Урале. Наиболее шумевшим из них стало «дело» Н. И. Уфимцева. Последний, как уже указывалось, являлся секретарем Екатеринбургского губкома еще накануне X съезда РКП(б) и за выступления в поддержку Л. Д. Троцкого был отстранен от партийной работы (с марта 1921 г. он являлся председателем Екатеринбургского горисполкома). В конце 1921 г. Н. И. Уфимцев вновь избирается секретарем губкома и согласно сложившейся практике должен был быть назначен членом Уралбюро ЦК РКП(б) как руководитель крупнейшей партийной организации Урала. Однако в отношении Н. И. Уфимцева эта норма была нарушена: он вводится в Уралбюро лишь в качестве кандидата. Когда же Екатеринбургский губком расценил такое назначение как признак недоверия губкому и его секретарю, Секретариат ЦК принял решение об отзыве Н. И. Уфимцева [14]. Решением Уралбюро его фамилия была исключена из списка нового состава Екатеринбургского губкома, который намечалось принять на VIII губернской конференции РКП(б) в июне 1922 г., а самому Н. И. Уфимцеву предлагалось «направиться в распоряжение ЦК с первым отходящим поездом» [15].

Столь откровенное посягательство на право партийной организации самой определять состав собственных руководящих органов вызвало новую вспышку недовольства со стороны Екатеринбургского губкома и еще более обострило его отношения с Уралбюро ЦК РКП(б). Для «урегулирования» конфликта в Екатеринбург прибыл секретарь ЦК РКП(б) В. М. Молотов, безоговорочно вставший на сторону Уралбюро и потребовавший от Н. И. Уфимцева и Екатеринбургского губкома беспрекословного подчинения вышестоящим партийным органам. В качестве некоторой уступки Н. И. Уфимцеву разрешалось остаться на несколько дней в Екатеринбурге, чтобы выступить с отчетным докладом губкома на губернской конференции РКП(б), после которой он должен был тотчас же выехать на новое место работы [16].

Одновременно была произведена смена секретаря Уралбюро ЦК РКП(б). Ф. И. Голощекин, не сумевший избежать огласки с «делом» Н. И. Уфимцева, переводился на партийную работу в Казахстан, а его место занял М. М. Харитонов,

зареккомендовавший себя в борьбе с «мясниковщиной». Несколько раньше в Уралбюро были введены Бела Кун, С.А. Новоселов и другие, чья ориентация на утвердившуюся в ЦК РКП(б) группировку подтверждается быстрой партийной карьерой в ближайшие годы [17].

Отстранение Н. И. Уфимцева, как и изменения в составе Уралбюро ЦК РКП(б), дают основания полагать, что в течение 1922 г. все ключевые позиции в руководящих партийных органах на Урале заняли ставленники сталинского аппарата, роль которого в определении политики господствующей в ЦК фракции стала решающей. К этому времени Уралбюро, состоявшее исключительно из назначенцев Секретариата ЦК, сконцентрировало в своих руках огромные полномочия и полностью взяло под контроль формирование нижестоящих партийных структур, прежде всего губернских комитетов. Последние, в свою очередь, определяли руководителей городских, уездных и районных парткомов. Назначенные сверху, они, по существу, представляли особую секретарскую иерархию и оказывались в независимом от местных организаций положении. Такая система, требовавшая от партработника не только безоговорочного выполнения поступающих сверху распоряжений, но и личной преданности вышестоящему руководителю, давала в руки высшей партократии мощный рычаг давления на любого колеблющегося или несогласного с ее политикой.

О громадной роли секретарской иерархии в жизни партии можно судить по составу уральской делегации на XII съезде РКП(б) (апрель 1923 г.), из 35 членов которой 5 представляли Уралбюро ЦК, 4 являлись секретарями губернских комитетов, не менее 9 были секретарями укомов или райкомов, а почти все остальные входили в парткомы разных уровней, главным образом губернских и уездных [18]. Составляя верхушку местных организаций, они находились в прямой или опосредованной зависимости от Секретариата ЦК и проводили ту политику, которая задавалась сверху. Среди них были лишь 4 человека, поддерживавшие в дискуссии накануне X съезда позицию Л.Д. Троцкого. Причем к 1923 г. все они перешли на сторону группировки, господствовавшей в ЦК. На большинство ориентировался и секретарь Уралбюро ЦК М.М. Харитонов, о чем свидетельствует включение его в состав президиума съезда, от имени которого он огласил проекты двух резолюций съезда («По отчету ЦК РКП(б)» — докладчики Г. Е. Зиновьев и И. В. Сталин и «По отчету Ревизионной комиссии» — докладчик В. П. Ногин), а также избрание на съезде членом Центрального Комитета [19].

В этих условиях призывы В. И. Ленина к смещению И. В. Сталина с поста генсека, если бы они даже были доведены до сведения делегатов съезда, вряд ли нашли поддержку с их стороны. Кроме того, проблема заключалась не столько в персональных перестановках на вершине партийной пирамиды, сколько в изменении общей направленности той группировки, которая, господствуя в ЦК после X съезда РКП(б), выдвинула И. В. Сталина. Такая перестройка требовала реконструкции всего партийного здания, а по большому счету — и всей советской политической системы.

ЛИТЕРАТУРА

1. Иванович Ст. ВКП: Десять лет коммунистической монополии. Париж, 1928. С. 194.
2. Центр документации общественных организаций Свердловской области (ЦДООСО). Ф.1494. Оп.1. Д.110. Л.60.
3. Подсчитано по: Известия ЦК РКП(б). 1922. № 4. С.23-24; Центр документации новейшей истории Челябинской области (ЦДНИЧО). Ф. 77. Оп. 1. Д. 227. Л. 28; ЦДООСО. Ф. 1494. Оп. 1. Д. 98. Л. 4.
4. ЦДНИЧО. Ф. 77. Оп. 1. Д. 227. Л. 69.
5. Подробнее см.: Кружинов В. М. «Дело» Г. И. Мясникова // Вестник Тюменского государственного университета. 1998. № 1. С. 90-94.
6. Государственный архив новейшей истории и общественно-политических движений Пермской области (ГАНИОПДПО). Ф. 557. Оп. 4. Д. 130. Л. 138 об.

7. ЦДООСО. Ф. 1058. Оп. 1. Д. 1. Л. 32-34.
8. Одиннадцатый съезд РКП(б). Март-апрель 1922 года: Стен. отчет. М., 1961. С.155.
9. Там же. С. 127.
10. Там же. С. 155.
11. Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т.45. С.123. Пожалуй, откровеннее всех по этому вопросу высказался Г. Е. Зиновьев. Он признал, что, производя перемещения профессиональных работников, «Центральный Комитет исполнял свой долг, обороняя партию, защищая линию правильную, одобренную (десятым, — В.К.) партийным съездом» (Одиннадцатый съезд РКП(б). Март – апрель 1922 года: Стен. отчет. С. 282-283).
12. Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 45. С. 123.
13. Микоян А. И. В начале двадцатых ... М., 1975. С. 140.
14. ЦДООСО. Ф. 1494. Оп. 1. Д. 34. Л. 23, 33.
15. Там же. Д. 69. Л. 218, 229.
16. Там же. Судя по всему сталинский Секретариат ЦК придавал «делу» Н. И. Уфимцева особое значение, о чем свидетельствует следующий факт: спустя многие десятилетия Л. М. Каганович, работавший в 1922 г. в Секретариате ЦК, посчитал необходимым упомянуть об этом эпизоде в своих воспоминаниях, расценив отстранение Н. И. Уфимцева от руководства Екатеринбургским губкомом как одно из главных достижений Секретариата по «подбору и расстановке кадров» (Каганович Л. М. Памятные записки рабочего, коммуниста-большевика, профсоюзного, партийного и советско-государственного работника. М., 1997.).
17. Так, Бела Кун в 1923 г. переводится на работу в ЦК РКП(б), где стал представителем Центрального Комитета в ЦК РКСМ. С. А. Новоселов на XII съезде партии был избран членом ЦКК.
18. Подсчитано по: Двенадцатый съезд РКП(б). 17-25 апреля 1923 года: Стен. отчет. М., 1968. С. 729-759.
19. Там же. С. 6, 230-237, 662.

*Зинаида Николаевна СОКОВА —
заведующая кафедрой
документоведения, историографии
и источниковедения факультета
истории и политических наук,
доктор исторических наук,
профессор*

УДК 94(62):34

ЧИНОВНИКИ В СИСТЕМЕ КОЛОНИАЛЬНОГО УПРАВЛЕНИЯ (на примере Западной Африки)

АННОТАЦИЯ. Статья посвящена исследованию условий и факторов формирования чиновничества в колониальный период.

The article is devoted to the study of conditions and factors of bureaucracy forming in the colonial period.

Становление современного аппарата государственного управления в странах Западной Африки и появление чиновничества как социально-профессиональной общности тесно связаны с историческими судьбами народов региона. Формирование административно-управленческой структуры происходило под непосредственным воздействием внешнего фактора, в основном, вне рамок и структур местного традиционного общества. Важнейшей предпосылкой возникновения чиновничества яви-